

Средневековье: «если не найдется девства у отроковицы...»

Тип преступлений, известный в юриспруденции как *dehonestatio mulieris* (обесчещение, оскорбление чести), появился в русском феодальном законодательстве уже в XI в. и в процессе эволюции приобрел широкую шкалу вариаций. Опустим общую характеристику тех проступков, что касаются оскорбления чести невинной девушки или женщины — поскольку это рассмотрено нами ранее,⁶ и остановимся лишь на тех, что касались целомудрия девушки и верности супруги. Каковы наиболее ранние упоминания в древнерусских памятниках о сороме (позоре, сраме, срамоте) — нарушения целомудрия «девой» и супружеской верности «мужатицей»?

Самым ранним древнерусским документом, упоминающим постыдность утраты целомудрия и нарушения супружеской верности, является Устав князя Ярослава Владимировича (в той его части, в которой говорится о преступлениях против нравственности): «Аще у отца и матери, дщи девкою дитяти добудет, обличив ю, поняти в дом церковный, а чим ю род окупить» (ст. 4). Обращение к этому тексту показывает, что именно с начала XI в. на Руси началась контаминация обыденных практик и индоктринируемых православием норм морали. Заимствованные из византийских нормативных кодексов, они предоставили только и именно мужчинам определять наличие или отсутствие верности в браке и до брака.

Супружеская неверность в римском праве предполагала нарушение *jus tori* (*jus* — право, *torus* — постель),⁷ которое принадлежало исключительно мужу. Когда проступок совершала замужняя женщина, юридическую ответственность за него нес тот, кто решался на нарушение *jus tori*, принадлежавшее мужчине (отцу девушки, мужу женщины). Когда адюльтер шел муж замужней женщины, то он нес ответственность перед мужем любовницы (связь женатого мужчины с незамужней имела только нравственную оценку).⁸

В Древней Руси мужчина считался прелюбодеем лишь только тогда, когда имел на стороне не только возлюбленную, но и детей от нее, при этом он нес ответственность не перед женой и даже не столько перед мужем любовницы, сколько... перед епископом и верховной светской

⁶ Пушкарёва Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 142–152; Исаев И. А. Гражданское и семейное право // Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. / отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1986. С. 151–157.

⁷ Adultery. Catholic Encyclopedia. <http://www.newadvent.org/cathen/01163a.htm>.

⁸ Павлов А. С. Личные отношения супругов по греко-римскому праву // Ученые записки императорского Казанского университета. Казань, 1865. Т. I. С. 96.

властью: «аще муж от жены блядет, епископу в вине, а князь казнит».⁹ Иными словами, штраф за совершенный поступок шел церкви, а размеры и саму необходимость уплаты штрафа определял князь. Жена неверного мужа в древнерусском обществе вряд ли имела право на выражение недовольства. В летописи есть запись о том, что великий князь Мстислав Владимирович (1076–1132), сын Владимира Мономаха, «не скупю жен посещал, и она (княгиня),¹⁰ ведая то, нимало не оскорблялась...» («не оскорблялась» — с точки зрения мужчины-летописца). «Ныне же, — продолжил он (согласно летописи), — княгиня как человек молодой, хочет веселиться, и может при том учинить что и непристойное, мне устечерь уже неудобно, но довольно того, когда о том никто не ведает, и не говорит».¹¹

Замужняя женщина в Древней Руси считалась нарушившей супружескую верность, едва только вступала в связь с посторонним мужчиной. Ее супругу просто предписывалось как-то острастить ее легкомыслие, более того, муж, простивший прелюбодейку («волю давший ей»), еще и должен был понести особое наказание.¹² Чтобы не нарушать утверждаемого и желанного священникам порядка вещей, супругу предлагалось развестись с изменщицей — и чем раньше, тем лучше: «Аще ли жена от мужа со иным, муж не виноват, пуская ю...».¹³ Примечательно: тезаурус древнерусских памятников не именовал прелюбодеяние изменой, говоря о нахождении женщины «со иным». В таких же выражениях говорилось о прелюбодеянии и в средневековых европейских документах: ведь и сам термин «адюльтер» происходит от латинских лексем *ad* (к) и *alter* (другой, менять) и означает «уход к другому».¹⁴

О девичьем целомудрии и позоре его несоблюдения первые упоминания в русской культурной традиции находим в канонических ответах новгородского епископа Нифонта Кирику, Савве и Илье. Этот документ описал ситуацию, когда будущий дьяк, женись, обнаруживал, что его избранница «есть не девка» («Вопросы Кирика, Саввы и Ильи с ответами

⁹ Устав князя Ярослава Владимировича. Ст. 8 // Российское законодательство X–XX веков. М., 1984. Т. 1. С. 267; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия по истории русского права. Ярославль, 1872. Вып. 1. Ст. 6. С. 224.

¹⁰ Как водится, летопись даже имени ее не сохранила, знаем только отчество — Дмитриевна (она было дочерью знатного новгородца Дмитрия Завидовича и родила Мстиславу и сыновей, и дочерей).

¹¹ *Татищев В. Н.* История Российская. СПб., 1768. Т. II. С. 242; *Дубакин Д.* Влияние христианства на семейный быт русского общества в период до времени появления «Домостроя». СПб., 1880. С. 59.

¹² Вопросы Кирика, Саввы и Ильи с ответами на них Нифонта, епископа Новгородского // Русская историческая библиотека. СПб., 1908 (далее — ВК). Т. II. Стб. 69–70. С. 41–42, 58.

¹³ Там же. Стб. 82, 92. С. 43–44.

¹⁴ Из истории русских слов. Словарь. М., 1993. С. 16.

Нифонта, епископа Новгородского» 1130–1156 гг.)) — но без упоминания о «сороме»,¹⁵ позоре для этой житейски оступившейся женщины. Договор Новгорода с немцами (Готским берегом) 1195 г. позволял осрамленной несвободной «руске» давать вольную. В этом же документе впервые упомянуто осрамление женщины как социальный акт, являющийся следствием изнасилования: «Оже кто робу повержет насильем, а не соромит, то за обиду гривна, паки ли соромит — себе свободна». Наконец, следующий по времени документ о нарушении целомудрия насильственным путем — Договор смоленского князя Мстислава Давидовича 1229 г., повторив эту норму, ввел требование показаний свидетелей («а буде на него послуси...»)¹⁶

Позорность утери невинности до брака стала постулироваться с XII столетия из документа в документ, и тезис о ней оказался усиленным начавшимся бытованием норм византийского церковного права, переведенных южными славянами (сербами). В сербской Кормчей книге XIII–XIV вв. впервые было упомянуто намеченное к использованию на практике позорящее наказание для нецеломудренной девушки: «если <...> не найдется девства у отроковицы, то пусть приведут ее к дверям дома отца и жители города побьют ее камнями».¹⁷ Однако, поскольку никаких свидетельств применения этой нормы на Руси от тех столетий не дошло, а обратные свидетельства — о распространенности языческих форм брачных отношений¹⁸ и «священного блудодеяния»¹⁹ — достаточно часты, в том числе в назидательных текстах древнерусских проповедников, есть основания полагать: в те отделенные эпохи позорящих наказаний за утрату девственности и супружескую измену не было или они практиковались редко.

О том, что существовала практика прилюдного позорящего наказания для женщины замужней, тайно изменившей своему супругу и хотя-

¹⁵ ВК. Стб. 21. Ст. 51.

¹⁶ Подробно нравственные отношения в древнерусской семье проанализированы в кн.: *Пушкарева Н. Л.* Женщины Древней Руси...

¹⁷ Кормчая книга. М., 1912. Перепечатано с издания 1653 г. Ч. II. Гл. 45. Л. 47 (первые Кормчие — Номоканоны — начали появляться на Руси в XIII в., получив широкое распространение в XIV–XV вв.).

¹⁸ Грамота новгородского архиепископа Макария от 25 марта 1534 г. говорит, что в Ижоре, Чуди и Вошках «многие законопреступно с женами и девками живут без венчания, а их собственные жены живут с другими без венчания и молитвы <...> живут по любви с женами и девками...» (Дополнения к Актам историческим собранным и изданным Археографической комиссией. СПб., 1846 (далее — ДАИ). Т. I. С. 29–30).

¹⁹ «Вкупе мужи и жены с девками яко кони ржут и скверну дают... тут же женам мужатям беззаконное осквернение, тако же и девам растление» (Послание игумена Панфила о купальской ночи // РО ГПБ, Погод. 1571, л. 240–240 об.). Речь о языческих обрядах, в ходе исполнения которых молодежь свободно вступала в сексуальные отношения. *Пушкарева Н. Л.* Женщины Древней Руси... С. 222. *Дубакин Д.* Влияние христианства... С. 52.

шей тем не менее сохранить с ним брачные отношения, также нет. Зато известно, что в отношении замужних женщин, самовольно «роспустившихся» (разведшихся) с мужьями (что иногда делалось по согласию с законным супругом, и жена в таком случае именовалась «пущеницей»), никакого осуждения со стороны общества также не было. Своеволие и свободное поведение таких женщин вызывали благородное возмущение исключительно у представителей клира, которые запрещали венчать тех, кто «за иные мужья посягает беззаконно, мятущись».²⁰

В случае напрасного обвинения в нецеломудренности — «аще муж на целомудрие своя жены коромолит» — замужней «руске» давалось право вообще требовать расторжения брака. И хотя нет данных о применении этой нормы, любопытно, что за диффамацию муж-клеветник обязан был при наличии детей оставить всё «свое стяжанье» семье.²¹ Ничего подобного в западных правовых кодексах не найти! Да и свидетельств споров по поводу напрасных оговоров женщин в нецеломудренности за весь домосковский период нет — если не считать известной новгородской грамоты № 531, в которой жена и дочь жалуются, что муж и отец назвал их соответственно одну «коровою», а другую «б...» на том лишь основании, что они в его отсутствие давали деньги в рост!²²

Денежные проблемы были главной причиной конфликтов того времени, и большинство спорных коллизий средневековое русское право предлагало решать опять-таки с помощью денежных компенсаций и штрафов в пользу властей (светских или церковных). Правда, штраф за обесчещение был очень высоким — равным штрафу за убийство человека этой социальной категории, но женщины от этой «высокой цены» их чести мало что могли приобрести. Иное дело — их отцы или мужья. Если принять во внимание, что в порыве гнева отцы и мужья нередко попросту убивали прелюбодеев и развратников²³ и им за это «ничего не было», то можно сделать вывод: в конечном счете древнерусское светское право в отношении чести женщин было практичным и лаконичным.²⁴

²⁰ Правило о церковном устройении XIV в. // *Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины* / изд. С. И. Смирнова. М., 1913. Ст. 29. С. 92.

²¹ О разлучении (конец XV в.) // Шапов Я. Н. *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.* М., 1976. С. 207.

²² Публикация: Янин В. Л., Зализняк А. А. *Новгородские грамоты на бересте.* М., 1986. С. 214. Подробно о ней и герменевтике текста см.: *Пушкарёва Н. Л. Женщины Древней Руси...* С. 96.

²³ По-видимому, убийство человека за совершение прелюбодеев было нередким явлением. О «муже, который прелюбодее с своею женою в зплетении застанет», в «Книгах законных» говорится, что он «не осужен яко убийца будет», «волен есть муж своими руками такового убить, никаковая беды сего деля бояся» (подробнее: *Пушкарёва Н. Л. Женщины Древней Руси...* С. 144).

²⁴ Там же (раздел «А женки с женкою присужать поле...»); *Коллманн Н. Ш. Соединенные чество. Государство и общество в России раннего нового времени.* М., 2001. С. 49–104; 367–387.

Церковь охотно приняла в свою карательную систему денежные взыскания, не обнаружив в них ничего противного своему учению об искуплении вины и увидев в материальных компенсациях важную для себя доходную статью. Страсти византийских правовых кодексов вроде «прелюбодей биен и стрижен, и носа оурезание да приемлет» на русской почве не прижились.²⁵

Никаких данных о позорящих наказаниях в текстах древнерусских источников XIV–XV вв. не встречается. Новгородский архиепископ Феодосий, сочинив послание в Вотскую пятину 8 июня 1548 г., сожалел о нерадении духовных пастырей: «...многие деи люди от жен своих живут законопреступно со иными жонками и с девками, также деи жены их распустився с ними живут со инеми без венчанья и без молитвы, а иные деи христиане емлют к себе девки и вдовицы да держат деи их у себя недель пять или шесть и десять и до полугоду, и живут деи с ними безстыдно в блудных делах, да буде им которая девка или вдова по любви, и они деи с теми венчаютца и молитвы емлют, а будет не по любви, и они деи отсылают их от собя, да инде емлют девки и вдовицы и живут с ними теми-же беззаконными делы...»²⁶

Конец XV–XVII в.: отношение к стыду и «почестности»

В эпоху перехода к Новому времени — а процесс этот в русской истории занял несколько столетий (усугубленный медленным освобождением от ордынского ига, особым статусом православных иерархов в системе государственного управления и укреплением роли православной морали как осадка нравственных норм, слиянием и взаимовлияниями традиций и культур разных этносов и конфессий, что стало особенно значимым фактором в эпоху экспансионистских захватов на Юге России и в Сибири) — отношение к женским «свободам» сильно изменилось. Целомудрие и верность стали частью понятия о женской чести («почестности»), а последняя превратилась в одно из структурообразующих понятий ментальностей, культурный конструкт, формирующий как личную идентичность, так и место в сообществе. «Почестность» девушки, вступающей в брак, и сохранение верности супругой превра-

²⁵ *Абрашкевич М. М.* О прелюбодеянии по русскому праву // «А се грехи злые, смертные...»: Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX — начала XX века: В 3 кн. / изд. подг. Н. Л. Пушкарева, Л. В. Бессмертных. М., 2004. Кн. 3. С. 383–507, в данном случае — С. 413 (цитирована Кормчая книга).

²⁶ ДАИ, 1. С. 58. См. также: *Ступин М.* История телесных наказаний в России от Судебников до настоящего времени. Владикавказ, 1887. С. 11.